

Евсей ЦЕЙТЛИН

«ГОЛОС ЗВЕЗДЫ»

Из цикла «Откуда и куда. Писатели Русского Зарубежья»

**Беседа с Верой Зубаревой – поэтом, прозаиком,
литературоведом, редактором**

Предисловия часто обманывают. Дело даже не в излишестве восторженных эпитетов – иногда предисловия оказываются плохим камертоном: они не только не открывают поэта, но мешают настроиться на его волну. На этот раз было не так. Я читал ранний, точнее – первый сборник стихов Веры Зубаревой. Книга, родившаяся в давнем 1990-м, имела удивительно точное имя – «Аура». Автор предисловия Белла Ахмадулина прозорливо писала: «Сначала я увидела её стихи, воображение соотнесло их с морем и побережьем, с бликами, с хрупким чередованием блеска и тени. Прихотливый, независимый и несомненно ранимый мир открылся мне, явилась мысль о возможном обидчике воздуха и моря». Ахмадулиной хотелось защитить, уберечь молодое дарование. С волнением она вспомнила тогда свой дебют, задумалась: «Тех, кто щедро и расточительно помогал мне, да и всем, кто попадался на добрые их глаза, – давно нет на свете. Сумею ли я посмотреть их любовным и охраняющим взглядом на тех, кто молод, на Веру Зубареву, например?»

В предисловии жили свойственное Ахмадулиной пророчество и – надежда: «Я верю, что она слышит голос своей звезды, предвещающей удачу, но оберегающей от суеты, вздора, поспешности. Её стихи – изъяснение ясной и суверенной души, грациозно существующей в осознанном пространстве».

Двадцать семь лет спустя было очевидно: надежды Ахмадулиной сбылись. Вера Зубарева – автор 16 книг на русском и английском языках, многих журнальных публикаций, лауреат международных

премий, в том числе – первый лауреат премии имени Беллы Ахмадулиной. «Как ни удивительно, но вы ни на кого не похожи», – воскликнула когда-то Белла Ахатовна, слушая стихи Зубаревой. Эта счастливая непохожесть, бесспорно, отличает все написанное Верой Зубаревой – ее поэзию, прозу, литературоведческие работы.

Уже в той, первой, книге Веры Зубаревой не было ученичества:

Не дается, но добывается

Из условностей букв

Стих – в неровностях памяти

Мой про-свет, мой про-звук.

Подумал сейчас: пусть эти ее слова о вечных, как мир, «муках творчества» станут эпиграфом к нашему разговору.

ЕЦ: Давайте поговорим о людях, которые, словно добрые вестники, встретились на Вашем пути. Вы часто и с благодарностью вспоминаете профессора Арона Каценелинбойгена – экономиста по образованию и системщика. Яркие и необычны разработанные им концепции. Необычна Ваша диссертация по теории литературы, выполненная под его руководством. Необычен курс лекций, который Вы уже много лет читаете в Пенсильванском университете: «Искусство принятия решений в литературе, кино и шахматах».

ВЗ: Без Арона Каценелинбойгена (1927-2005) не состоялось бы моё интеллектуальное развитие. И это сказалось бы на всём, что я сделала и продолжаю делать в литературоведении и художественном творчестве. Никогда бы не появилась ни моя теория чеховской комедии нового типа, ни моя теория позиционного стиля в литературе, ни моя теория драматического, столь существенно отличающаяся от всего ныне существующего в этой области. Сам Арон работал в русле школы Берталанфи, идеи которой породили его концепцию индетерминизма и теорию предрасположенностей. В отечественном литературоведении кроме меня никто эти идеи не развивает. Все мои литературоведческие книги, включая и две последние – «Чехов в XXI веке: позиционный стиль и комедия нового типа» и «Тайнопись», базируются на этом. Немудрено, что пока эти идеи невняты большинству литературоведов по обе стороны океана, как они были невняты системщикам, впервые

столкнувшись с идеями Бертоланфи и Каценелинбойгена. Но эта часть меня мало волнует. Понимание истеблишмента приходит гораздо позже. Куда печальнее было бы не вникнуть в то, во что вникла я, благодаря школе Арона Каценелинбойгена.

ЕЦ: Постоянен в Вашем творчестве образ Вашего отца – Кима Беленковича. Он живет в Ваших стихах, прозе, эссе и фильмах.

ВЗ: Он живёт во мне, и, я верю, вне меня. Его пульс ощутим внутренним слухом, его свет различим внутренним зрением. Накануне его 18-летия бомба попала в корабль, на котором был и он. Осталось в живых только двое. Мой отец был одним из счастливых. На следующий день, 14 ноября 1941 г., ему исполнилось 18 лет. Отец был известной личностью в городе, где я родилась, и город достойно хранит память капитана дальнего плавания, старшего лоцмана одесского и ильичёвского порта, журналиста и писателя Кима Зиновьевича Беленковича. Его памяти посвящён мой новый роман «Лоцман на трубе». Да, он был первым и единственным в мире лоцманом, который ввёл затонувший в одесском порту корабль, стоя на его трубе. Подробнее об этом можно узнать из моего одноимённого документального фильма, доступного на ютубе, и, я надеюсь, из романа, когда он выйдет.

ЕЦ: Я прочитал несколько Ваших статей о творчестве Беллы Ахмадулиной. И легко увидел будущую книгу. Каков ее лейтмотив?

ВЗ: Книга, как я уже говорила, вышла – и в очень хорошем московском издательстве «Языки славянских культур». «Тайнопись» посвящена библейскому контексту (и подтексту) в стихах Беллы Ахмадулиной 80-х – 2000-х годов. Об этом ранее никто не писал. Мне удалось разгадать значение дат, включённых в текст её стихов, как дат, относящихся к христианским праздникам, и показать, как это проливает свет на понимание ахмадулинского сюжета.

ЕЦ: Когда берут интервью у поэта, всегда ожидаем – почти дежурный – вопрос о рождении стихов. Мне не хотелось спрашивать Вас об этом. Ведь есть ответы Ваших великих предшественников – например, Маяковского, Пастернака, Ахматовой, которых уже давно, порой не слишком вдумываясь в суть, цитируют все кому

ни лень. Но вот вспомнил Ваши строки: «Стихи во сне приходят легче. И тем мучительней с утра тот поиск первобытной речи, не знавшей формы и пера». Сны как важный этап жизни-творчества интересуют меня давно. Так тридцать лет назад появились мои записи чужих и своих снов; так появилась моя книга «Послевкусие сна». А сейчас появился этот вопрос к Вам – как?..

ВЗ: По-разному. И во сне иногда тоже приходят. Всегда держу наготове ручку и бумагу и записываю в темноте, чтобы никого не будить и самой до конца не пробуждаться. Но это лишь самая первая стадия. А потом – тяжкий труд, иногда многолетний. Малюсенькое стихотворение переписываю помногу и никогда не останавливаюсь на достигнутом. Я – известная мадам Переделкина. Мне лучше не читать своих публикаций. Как только открою очередную – рука тянется к карандашу... Возвращаясь к теме сна и писаний, это даже запечатлелось в одних моих стихах, писавшихся именно так:

*Она будит меня, шепчет.
Я за нею пишу, засыпаю.
А по комнате бродит вечность
Неприкаянная, слепая.
Так и бродят они вместе,
Их приход не дано разгадать мне,
И подносит она месяц
К побелевшей моей тетради.
Разобрать пытается почерк.
Хлещет ветер наотмашь ветками.
Снова шепчет. Чего она хочет?
Я пишу с закрытыми веками.
Сон – как будто в сознание провалы
С пробуждения краткой ремиссией.
Видно, что-то не досказала
Перед тем, как покинуть мир сей.*

Эти стихи возникли в период работы над «Тайнописью» и героиня их – Белла, которая действительно тревожила меня на протяжении всего того времени...

ЕЦ: В своих статьях Вы порой предлагаете новые концепции литературного процесса. Так, в противовес термину «Зарубежье» Вы выдвинули понятие «Безрубежье». Что же это такое?

ВЗ: В новом контексте нашего сетевого бытия понятие «рубежа» стало условным. В статье «Русское безрубежье», опубликованной в журнале «Дружба народов» (2014, №5), я пишу о том, что в отличие от глобализации, которая ведет к уничтожению культурных особенностей и установлению диктатуры единообразия, безрубежье направлено на сохранение многообразия и своеобразия культуры за пределами страны, её породившей. «Русское безрубежье — явление, которое требует размыкания критиков и литературоведов на более широкую панораму современного русского литературного процесса. Оно несет в себе надежду на возвращение Мастера к Маргарите и Маргариты к Мастеру».

ЕЦ: В современной русской литературе философская поэзия находится на обочине читательских интересов. Но вот журнал «Новый мир» публикует два Ваших поэтических трактата – «Трактат об обезьяне» и «Трактат об ангелах». Знаю, Вы работали над этими вещами много лет. Что вело и вдохновляло Вас?

ВЗ: Написан и третий трактат, завершающий. Посмотрим, как скоро ему суждено выйти в свет. Пока не опубликован, говорить о нём не стану. А «Трактат об ангелах» был написан на заре моего пребывания в США и был встречен с энтузиазмом и его вдохновителем – Ароном Каценелинбойгеном, и Эрнстом Неизвестным, давшим свою графику для публикации, и переводчиками на английский (Френсис Лейрд) и немецкий (Кирстин Брейтенфельнер), и издательствами в Одессе и в Швейцарии, где трактат вышел в двуязычных изданиях. Он поднял волну интереса в германоязычном мире, и мне даже устроили турне по Европе с презентацией этой книги. Разумеется, я мечтала, что однажды Ангелы долетят и до России. Это случилось благодаря стараниям замечательного Павла Крючкова, а также Ирины Роднянской, написавшей, в частности, следующее в предисловии к «Трактату об Обезьяне»: «Повествование ведется от имени некоего апологета новомодного просвещения на «обезьяний» лад, который и Книгу Бытия готов переписать во славу восстанавливаемого в своих правах четверорукого примата. Этот “при-

мат-доцент” всему нашему общежитию сулит непрременный благой переворот по ходу победы Природы над Богом в их будто бы исходной конкуренции. Сам же автор, то прячась за повествовательной маской, то выглядывая из-под нее, исподволь ставит и завихрениям рассказчика, и состоянию общества, в той мере, в какой оно готово им следовать, неумолимый диагноз: деградация. Ставит его как бы играючи, развязывая себе руки свободным стихом с ассонансными, тоже свободными от педантизма, шутливыми, можно сказать, рифмами, которые (будучи хоть и перекрестными, а не парными) вносят в текст некий дух раёшника с его устной “неподцензурностью”. Перед нами мысль затейливо-поэтическая, но она предстает и мыслью общественно-актуальной. Побуждающей отечественного читателя задуматься: а что у нас? Не зажаты ли и мы между двумя полюсами идеологической агрессии: фундаменталистской и неолиберальной?..» («Новый Мир», 2013, №10). Трактаты вышли в обратной очередности, но меня это не смущает. Удивляет, что разговор о вопросах, поставленных в обоих произведениях, не выстраивается в среде российской критики.

ЕЦ: Почему так? Каково Ваше объяснение?

ВЗ: Да потому что эти проблемы оказались вне сферы интересов критики, так же, впрочем, как проблемы, поднятые в моих поэмках «Милая Ольга Юрьевна», «Тень города, или Поэма о нашем времени» и др. Но здесь я не одинока. В тот же ряд могут быть поставлены, к примеру, и произведения Марины Кудимовой или Ефима Бершина, которых, если иногда и «замечают», то это не поднимает волну разговора на тот уровень, на котором штормит их поэтическое сознание. Прилагая пояснение Дмитрия Шеварова к судьбе «Нечаяния» Беллы Ахмадулиной («Российская газета – Неделя» от 23 ноября, с. 28-29), могу сказать, что и их произведения не «аукаются» с чем-то, о чём сегодняшняя российская критика может и желает говорить и думать. И ещё чётче, на примере Беллы, которую я чувствую, могу сказать, что пишутся подобные вещи не в надежде быть отмеченными истеблишментом, а потому, что проблема назрела. И посему ожидают они отклика-диалога, отклика-раздумья, отклика-обсуждения, т.е. полемики вокруг вопроса «камо грядеши». А иначе – глас вопиющего...

ЕЦ: В теории литературы открытия случаются редко. Но Вами – на материале чеховских пьес – разработана новая теория драматического. Что же отличает ее?

ВЗ: Прослушав курс по общей теории систем и теории предрасположенностей, я отчётливо поняла, что систему отличает наличие потенциала, т.е. элементов разного типа, находящихся во взаимодействии. Мера силы потенциала разная у разных систем. В художественном произведении потенциал представлен героями. Есть герои с мощным, средним и слабым потенциалом (ну и конечно же, все промежуточные типы, которые я упускаю здесь для простоты). Понятие «драматического» связано с динамикой, а динамика невозможна без усилий к действию. Мера динамики, сила воздействия на окружающую среду характерна для героев с мощным или очень сильным потенциалом. Таких мы наблюдаем в трагедиях и драмах, близких к трагедиям. Герои среднего потенциала имеют среднее влияние на свою среду, и они типичны для бытовой или мещанской драмы. Герои, имеющие мизерное влияние на своё окружение, действуют в комедиях. Вопрос смешного и грустного не должен приниматься в расчёт, поскольку он относится к реакции наблюдателя, а не к потенциалу героев. Разные наблюдатели по-разному реагируют на одну и ту же ситуацию, а почему – это уже вопрос к психологам. Вот вкратце и очень схематично описание того, что я сделала в теории драматического.

ЕЦ: Как бы Вы передали характер американской славистики, описали ее атмосферу, типичных персонажей?

ВЗ: Знаете, американская славистика многообразна и разношерстна. И это единственно неоспоримая вещь, с которой согласится любой славист или филолог. Больше этого, пожалуй, не скажу. Есть слависты, чьи работы меня вдохновляют. Среди них замечательные литературоведы Галина Рылькова, Александр Бурак, Кэрил Эмерсон, Радислав Лапушин, Кэрл Аполлонио...

ЕЦ: Вы – Президент Объединения Русских Литераторов Америки (ОРЛИТА). Таких сообществ – немало в эмиграции. Некоторые именуют себя Союдами писателей – видимо, для того,

чтобы запоздало осуществить свою советскую мечту. А для чего Вы организовали это объединение?

ВЗ: Союзов не люблю. Они влекут за собой уставы, членские взносы, собрания и прочие формальности. Союзы у меня рифмуются с «узы». А там, где узы, вымирают музы. Объединение – это единение без обязательств. Мы просто отображаем русскую литературную жизнь современной Америки, публикуем литературные новости, рецензии, трансляции и т.д., и т.п. Все мы когда-нибудь уйдём, поэтому ценно сохранить тот образ творческой жизни, которую мы формировали, наш вклад в неё.

ЕЦ: Меня всегда по-хорошему удивляет Ваш журнал «Гостиная». Каждый номер посвящен развитию какой-то философской идеи или... поэтической ассоциации. Как чаще всего рождается тема номера?

ВЗ: Это как с дорожками к дому. В одном случае, они проектируются заранее, а в другом, прокладываются по тропкам, которые протоптали сами пешеходы. Тема номеров «Гостиной», выходящей в сети и в бумаге, рождается из материала, который к нам поступает. Иногда авторы, словно сговорившись, присылают нам тексты, находящиеся на одной волне. В этом есть что-то мистическое. Мы встраиваемся в эту волну, и так рождается тематическое единство номера. Сегодня «Гостиная» выходит усилиями замечательных редакторов, профессионалов своего дела. Это Ефим Бершин (поэзия), Елена Дубровина (литературное наследие), Сергей Надеев (первое стихотворение), Людмила Шарга (Одесская страница) и Елена Литинская, заведующая и прозой, и подготовкой номера наравне со мной на правах моего заместителя. Ну и, конечно, все наши сетевые и бумажные издания не осуществились бы без нашего веб-директора Вадима Зубарева, денно и нощно работающего с огромным количеством материалов, отобранных для сайта ОРЛИТы и для «Гостиной».

Евсей Цейтлин — эссеист, прозаик, культуролог, литературовед, критик, редактор. Родился в Омске в 1948 г. Окончил факультет журналистики Уральского университета, Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А.М. Горького.

Кандидат филологических наук, доцент. Преподавал в вузах историю русской литературы и культуры.

Автор многих книг, которые издавались в России, США, Литве, Германии, Украине. В 1978 г. был принят в Союз писателей СССР, является членом Союзов писателей Москвы, Литвы, Союза российских писателей, членом международного Пен-клуба ("Writers in Exile"). Дважды эмигрировал: в 1990 – в Литву, в 1996 – в США. Произведения Евсея Цейтлина переводились на литовский, немецкий, украинский, польский, английский, испанский языки.

Был главным редактором альманаха «Еврейский музей» (Вильнюс). Редактор ежемесячника «Шалом» (Чикаго, с марта 1997).